

въ сенатъ, а напослѣдокъ и ко-мнѣ. Работѣнство персонѣ, въ снхъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ интересъ государственный страдаетъ...

„Труднѣй вамъ всего будетъ править канцелярією сенатскою и не быть подчиненными обмануту. Сію мелвость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю: французскій кардиналъ де-Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему меньше труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикаморю, понеже всѣ праздноживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только остается способъ, котораго Ришелье не имѣлъ, переимѣнить всѣхъ сумнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.

„Малая Россія, Финляндія и Лифляндія суть провинціи, которыя правятся подтвержденными имъ привилегіями, нарушить оныя отрушеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было, однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ *достоверностью и злостью*. Сіи провинціи, также и смоленскую, надлежитъ *легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусели и перестали бы мядѣть какъ волки къ лсу*. Къ тому приступъ весьма легкій, есть ли разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ изчезло, не токмо бѣ персона какая была произведена въ оное достоинство“.

Библіотека современныхъ писателей. *Иванъ Куцескій*. Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ. 2 т. Спб. Изданіе А. Ѳ. Баунова. 1872.

Внукъ Обломова. Романъ въ двухъ частяхъ *Л. Ф. Привольскаго*. Спб. 1871.

Русскіе и иностранные современные романисты и ихъ произведенія (въ извлеченіи), составлено и издано подъ редакцію (?) *В. Радичева*. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1871.

Романъ г. Куцескаго „Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ“, былъ помѣщенъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и первую свою частью обратилъ на себя вниманіе читающей публики. Нѣкоторые простерли свое снисхожденіе къ новому писателю до того, что готовы были видѣть въ немъ русскаго Диккенса; по мѣрѣ того, какъ романъ развивался далѣе, по мѣрѣ того, какъ являлись послѣдующія его части, романъ все менѣе и менѣе нравился и кончился при полномъ разочарованіи читателей, которые также не въ мѣру стали

унижать новаго писателя, какъ прежде не въ мѣру его хвалили. На самомъ дѣлѣ, г. Куцевскій не Диккенсъ и не посредственность; достаточно одной первой части его романа, чтобъ признать въ немъ несомнѣнный талантъ. Избранные имъ герои являются лицами довольно тонко очерченными и выдержанными во всѣхъ мелочныхъ проявленіяхъ ихъ дѣтской природы; сцены дѣтскаго быта нарисованы иногда замѣчательно хорошо; нѣкоторый юморъ и способность схватывать яркія черты характеровъ г. Куцевскій обнаружилъ и въ описаніи взрослыхъ людей при столкновеніи ихъ съ дѣтьми, но лишь въ незначительной степени. Авторъ освоился съ этимъ міромъ настолько, что почти всѣ лица дѣтей, въ особенности дѣти, явились съ опредѣленными чертами,—и Николая Негорева, брата его Андрея, Овѣрина нельзя смѣшать другъ съ другомъ. Особенной тонкости и глубины въ очертаніи ихъ характеровъ читатель не найдетъ, но все же это лица, которыя легко себѣ представляешь.

Романъ ведется отъ лица Николая Негорева, который и есть „благополучный россиянинъ“. Подмѣтить зачатки этого „благополучія“ въ ребенкѣ и послѣдовательно развить ихъ въ романѣ — задача не совсѣмъ легкая, и однако г. Куцевскій справился съ нею въ первой части своего произведенія настолько удовлетворительно, насколько можно этого требовать отъ писателя если не начинающаго (г. Куцевскій писалъ и печаталъ и прежде), то во всякомъ случаѣ таковаго, который впервые взялся за большую работу. Всѣ поступки героя достаточно убѣждаютъ васъ, что изъ него долженъ выдти человѣкъ солидный, съ опредѣленными взглядами и стремленіями; каковы будутъ эти взгляды и стремленія—конечно зависятъ отъ окружающей среды, отъ воспитанія. Среда эта — гимназическій пансіонъ, наполненный на подборъ уродами, начиная отъ директора и инспектора и кончая учителями. Панорама этихъ уродовъ представлена авторомъ въ грубыхъ и однообразныхъ чертахъ, съ едва замѣтными вспышками юмора; о тонкой рисовкѣ, которая встрѣчается при изображеніи дѣтскихъ характеровъ, тутъ почти и помину нѣтъ, и если есть кое-какіе намеки на нее, то они немедленно уничтожаются грубыми штрихами не безталантнаго, но мало развитаго каррикатуриста, который мажетъ, не заботясь о правдѣ, хотя правда необходима и въ каррикатурѣ. Сначала такое раздвоеніе таланта въ писателѣ, обнаруживающемъ гораздо большее умѣнье и чутье при изображеніи дѣтскихъ характеровъ, чѣмъ при изображеніи характеровъ взрослыхъ людей, кажется страннымъ, но потомъ начинаешь понимать причину этого раздвоенія, или лучше сказать слабую сторону таланта, когда и характеры дѣтей, по мѣрѣ того, какъ они мушаютъ, становятся блѣднѣе и блѣднѣе или высказываютъ неожиданно — не гаданно, помимо всякихъ логическихъ соображеній, дюжинными карриатурами на дѣйствительность.

Намъ кажется, что г. Куцевскій раздѣляетъ судьбу всѣхъ такъ называемыхъ беллетристовъ новаго поколѣнія: они не въ состояніи возвыситься надъ разнообразнымъ міромъ житейскихъ явленій настолько, чтобъ смотрѣть на него глазами понимающаго, разумнаго художника, который видитъ внутреннюю связь явленій, вполне объясняетъ себѣ логическую ихъ послѣдовательность и способенъ оживить сырой матеріалъ и построить изъ него нѣчто цѣльное и гармоническое. Современные молодые беллетристы, въ томъ числѣ и г. Куцевскій, не обижены талантомъ, но они обижены развитіемъ. Можно назвать множество повѣстей и романовъ, гдѣ авторы рисуютъ довольно удачно дѣтскіе характеры, дѣтскія сцены, обстановку своего воспитанія, сцены изъ народной жизни, разные фотографическіе очерки, однимъ словомъ, все то, что требуетъ почти только одной памяти и нехитраго анализа, но мы затруднимся въ указаніи такихъ произведеній, которыя представили бы намъ современную жизнь взрослыхъ людей, ихъ характеры и стремленія въ формѣ мало-мальски удовлетворительной. Геніальнымъ талантамъ удастся это даже при сравнительно невысокомъ образованіи, но во всякомъ случаѣ при тщательной отдѣлкѣ произведенія; геніальное чутье помогаетъ имъ тамъ, гдѣ талантъ обыкновенный долженъ напрягать всѣ свои интеллектуальныя силы, весь запасъ своихъ наблюденій и опыта. Такимъ образомъ, одного наблюденія недостаточно, какъ недостаточно одного таланта; безъ выработки, безъ ученія, талантъ заржавѣетъ и не дастъ ничего, кромѣ очерковъ. Поэтому намъ всегда кажется страннымъ, когда наши молодые и талантливые писатели, въ оправданіе однообразія и незаконченности своихъ произведеній, говорятъ, что имъ необходимо отдохнуть на лонѣ природы, необходимо уѣхать въ деревню и пожить съ крестьянами, ихъ крестьянскою жизнью. Они только сбманываютъ себя, отыскивая причину своего безсилія совсѣмъ не тамъ, гдѣ она кроется. Запасъ наблюденій у нихъ достаточенъ относительно всего того, что стоитъ ниже ихъ по развитію, къ чему они могутъ относиться вполне сознательно, но онъ недостаточенъ относительно того слоя населенія, который играетъ въ современной жизни по преимуществу интеллигентную роль. И тутъ недостаетъ этимъ писателямъ не одного наблюденія, но также знаній, того развитія, которое ставило бы ихъ въ независимое, сознательное и крѣпкое положеніе въ изображаемой средѣ; имъ недостаетъ той работы надъ собою, которая помогаетъ заключить наблюденія въ живые образы и стройныя формы. Имъ, этимъ писателямъ, по большей части съ первобытнымъ, необработаннымъ талантомъ, слишкомъ много натолековали о ихъ дарованіяхъ, о необыкновенномъ будто бы ихъ дарѣ изобразительности, о близкомъ знакомствѣ съ народомъ и типичномъ его представленіи; ихъ провозгласили какими-то путеводными звѣздами въ словесности,

открывателями новыхъ рудъ, новыхъ элементовъ въ народной жизни. Увлеченные этими восхваленіями, они запрудили литературу очерками и рассказами, черновыми набросками съ блестящими сомнительнаго юмора, ибо весь онъ вертѣлся вокругъ меньшей братіи и скалилъ зубы почти надъ первобытными дикарями. Переберите всю литературу очерковъ и рассказовъ и вы едва ли выберете изъ всей этой массы порядочный томикъ, достойный того, чтобъ перейти въ потомство. Мы того мѣнѣя, что современнымъ беллетристамъ не талантовъ не хватаетъ, а умственнаго развитія, которое далеко не всегда удобозамѣнимо такъ-называемымъ художественнымъ чутьемъ. Оттого-то такъ часто случается, что одинъ и тотъ же писатель оказывается сильнымъ въ изображеніи крестьянской среды и совершенно бессильнымъ въ изображеніи среды, стоящей болѣе или менѣе высоко. Оттого-то у г. Куцевскаго такъ рѣзко выдѣляется первая часть романа и такъ слабы остальные, гдѣ съ героями дѣлаются неожиданныя превращенія, ничѣмъ не мотивированныя. Какъ въ первой части авторъ послѣдовательно развивалъ разныя стороны шеольниковъ и читатель съ интересомъ слѣдилъ за всѣми перипетіями, такъ въ остальныхъ частяхъ исчезаетъ всякая послѣдовательность, всякая логика, а на мѣсто этого являюся какіе-то скачки. Авторъ не знаетъ даже что дѣлать съ своими героями и чуть не на каждой страницѣ повторяетъ одно и то же: Николай Негоревъ пошелъ туда-то, встрѣтилъ тамъ того-то, тотъ-то пришелъ къ Николаю Негореву, встрѣтилъ тамъ Андрея Негорева, поговорилъ съ нимъ о пустякахъ и пошелъ съ нимъ къ Володѣ, но на дорогѣ встрѣтилъ Софью Васильевну, которая уговорила ихъ идти къ Лизѣ. Безыскусственность умилительная, быть можетъ, но мы не поклонники ея. Особенное неумѣнье обнаружилъ г. Куцевскій въ изображеніи женскихъ характеровъ: это или тѣни, или невозможныя самки, какъ Анненька, страдающія какою-нибудь женскою болѣзнью. Такіе характеры могутъ существовать только въ воображеніи, или въ домахъ умалишенныхъ, но отнюдь не въ дѣйствительности. Очевидно, г. Куцевскій незнакомъ даже съ первоначальными законами психическаго и физиологическаго развитія женскаго организма, иначе онъ не измыслилъ бы Анненьки въ томъ видѣ, какъ она у него представлена. Лучше другихъ написана Софья Васильевна, но и тутъ очень много неразвитаго и недосказаннаго. Самъ герой, отъ имени котораго ведется рассказъ, теряетъ въ этихъ частяхъ всякій интересъ, потому что авторъ совершенно теряетъ тонъ автобіографическаго рассказа, теряетъ объективность, которая довольно удачно выдержана имъ въ первой части: Николай Негоревъ, этотъ „благополучный россиянинъ“, выказывающій постоянное благоразуміе и нѣкоторый умъ, позволявшій ему хитро и тонко замазывать передъ другими неприглядныя прорѣхи своего характера, вдругъ обращается въ яростнаго обличителя своей

собственной особы, рассказываетъ о себѣ всевозможныя гадости, точно онъ пишетъ разсказъ для маленькой газеты, вылавливающей всевозможныя скандалы. Такимъ образомъ, отъ романа остается только первая часть, да и то не вся, а лишь нѣкоторыя сцены изъ дѣтской жизни и довольно яркіе очерки дѣтскихъ характеровъ. Это немного, но это все-таки кое-что, говорящее въ пользу таланта писателя, отъ котораго, быть можетъ, дождемся и болѣе серьезнаго и зрѣлаго произведенія.

Для чего г. Привольскій написалъ „Внука Обломова“, мы не понимаемъ. Начать съ того, что Гончаровскій Обломовъ вовсе не такъ старъ, чтобъ можно было ожидать отъ него внука и главное, чтобъ этотъ внукъ могъ обратить на себя просвѣщенное вниманіе г. Привольскаго. Но если этотъ внукъ дѣйствительно родился и замѣченъ г. Привольскимъ, то ради чего на изображеніе его потрачено 291 страница большого формата? Пробѣжавъ эти страницы, мы могли вывести только такое заключеніе: „такого-то числа и года родился у Обломова внукъ, по фамиліи Лялинъ, который прожилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и умеръ спокойно; воспріемникомъ его отъ купели былъ г. Л. Ф. Привольскій“. Больше ничего и не надо было, по нашему мнѣнію. Мало ли родится людей? Всѣ они имѣютъ метрическія свидѣтельства, но далеко не всѣ представляютъ собою поучительное зрѣлище. Впрочемъ, судя по внѣшнимъ приемамъ, г. Привольскій желалъ устроить хитрую штуку, именно состязаніе съ г. Гончаровымъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего г. Привольскому не написать „Внука Обломова“, когда г. Гончаровъ написалъ „Обломова“? Для этого надо только досугъ, и ничего больше. У Обломова былъ человекъ Захаръ; у внука Обломова—Авдотьюшка, нѣчто въ родѣ Захара; по крайней мѣрѣ, она подражаетъ Захару, какъ Лялинъ, внукъ Обломова, подражаетъ Обломову. У Обломова былъ докторъ—и у Лялина есть докторъ; у Обломова была Ольга, у Лялина—Рая; у Обломова Агафья Матвѣевна, у Лялина—Феклуша. Всѣ эти лица обязаны копировать болѣе или менѣе свои прототипы, и дѣло въ шляпѣ. Такъ придумалъ г. Привольскій; онъ хорошо придумалъ, хотя изъ его думы вышла скучнѣйшая и бездарнѣйшая вещь. Но онъ ею доволенъ, и хотя внукъ Обломова, Лялинъ, умеръ, но будетъ еще правнукъ Обломова, ибо г. Привольскій заявляетъ: „читатели увидятъ своихъ знакомыхъ въ другомъ романѣ, на новой дорогѣ“. Когда г. Привольскій уморитъ правнука Обломова, явится пра-правнукъ и т. д., такая же длинная серія романовъ, какъ длинны генеалогическіе аттестаты заводскихъ лошадей. Въ добрый путь, г. Привольскій.

Что касается послѣдней обозначенной выше книги, то это безремонтная спекуляція съ эпиграфомъ: „знакомство съ наиболѣе выдающимися произведеніями, какъ отечественной, такъ и иностранной бел-

летристики, составляет насущную потребность каждого образованнаго чловѣка“. Если хотите, г. Радищевъ выдумалъ еще болѣе тонкую штуку, чѣмъ г. Привольскій: онъ бушилъ романы Гончарова, сочиненія Тургенева и Достоевскаго, романъ Гюго („Человѣкъ, который смѣется“) и романъ Шпильгагена „Пионеры“, взялъ въ руки карандашъ и, пробѣгая страницы, зачеркивалъ одні и оставлялъ чистыми другія. При этомъ выборѣ, онъ поступалъ, какъ поступаютъ пансіонеры при чтеніи романовъ: все, что не разговоръ — пропускается и читаются одни разговоры, да и то такіе, которые не состоятъ изъ дѣлныхъ періодовъ, а лишь изъ нѣсколькихъ фразъ, то, что называется бѣглымъ разговоромъ. Сокративъ такимъ образомъ романы названныхъ писателей, т.-е. нѣсколько страницъ зачеркнувъ и нѣсколько перепечатавъ, г. Радищевъ напечаталъ ихъ въ одномъ томикѣ и сказалъ въ предисловіи: „Насколько трудъ (?) нашъ удовлетворяетъ своей задачѣ, судить, конечно, не намъ“. Мы прибавимъ только, что безцеремонное выворачиваніе чужихъ произведеній, при которомъ г. Радищевъ не отдѣляетъ того, что перефразировано, для краткости, самимъ г. Радищевымъ, и что принадлежитъ избираемымъ имъ писателямъ, въ литературнымъ дѣяніямъ не принадлежитъ и можетъ быть судимо развѣ въ другомъ какомъ-нибудь специальномъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ г. Радищева, который беретъ, напр., „Героя нашего времени“, зачеркиваетъ въ немъ нѣсколько страницъ, а другія перепечатываетъ, и потомъ издаетъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Герой нашего времени“, соч. Лермонтова, подъ редакціей (!) В. Радищева“. Развѣ это литературный поступокъ?...

Изъ Жизни. Педагогическія наблюденія. И. Бѣлова. Спб. 1872.

Г. Бѣловъ принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ петербургскихъ педагоговъ; онъ не разъ уже выступалъ съ своими „наблюденіями“ на литературное поприще, и довольно удачно, такъ какъ „наблюденія“ его, помимо нѣкоторыхъ недостатковъ, отличались здравымъ смысломъ и носили на себѣ печать опытности. Изданная имъ теперь книжка состоитъ изъ нѣсколькихъ статей не одинаковаго достоинства, но всѣ онѣ написаны по одному и тому же масштабу: авторъ беретъ какой-нибудь случай изъ жизни, причѣмъ папаша или мамаша выказали свое неразуміе относительно воспитанія дѣтей, рассказываетъ его и затѣмъ начинаетъ весьма пространно толковать, почему родители поступили неразумно. Иногда онъ себя самого вводитъ въ рассказъ о семьѣ, неимѣющей понятія о воспитаніи, въ качествѣ дѣйствующаго лица, которое шагъ за шагомъ оспариваетъ неправильный взглядъ родителей на воспитаніе и обращаетъ ихъ на путь истинный или присутствуетъ при пагубныхъ послѣдствіяхъ упор-